ISSN 0042-8779

Вопросы Истории

2 '90

22
1127

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1990

Вопросы Истории

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1926 года.
Москва. «Наука»

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКАЦИИ

Роза Люксембург. Рукопись о русской революции (Вступительная статья Я. С. Драбкина) 3

Протоколы ЦК кадетской партии периода первой российской революции . . 33

СТАТЬИ

Б. М. Шпотов – Промышленный переворот в США: основные черты и особенности 49

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

А. В. Панцов – Брестский мир 60

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева 80

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В. Г. Трухановский – Бенджамин Дизраели 109

ИСТОРИОГРАФИЯ

Нобуаки Сиокава (Япония) – Изучение истории СССР в Японии 135

К. И. Рудельсон, В. Н. Гармаш – П. К. Гримстед. Справочник по изучению архивных документов в СССР 144

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Ленинград
1990
366

А. В. Шельский – Э. Бауэр. Тайные сообщения о европейской эмиграции в Лондоне 1852–1861 годов 146

Читательская конференция в Паланге 148

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Читатели предлагают, критикуют, советуют 183

А. С. Кравец – О военно-административной деятельности Э. И. Тотлебена . . 186

А. М. Пикман – Полемики просто не было 187

Дж. Кип (Швейцария) – Всеобщая история и плюрализм подходов 189

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

В. П. АЛЕКСЕЕВ, Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ, П. В. ВОЛОБУЕВ,
А. С. ГРОССМАН, В. П. ДАНИЛОВ, А. П. ДЕРЕВЯНКО,
В. А. ДЬЯКОВ, М. С. КАПИЦА, И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО,
А. И. КРУШАНОВ, В. И. КУЗИЩИН, В. А. КУМАНЕВ,
Б. В. ЛЕВШИН, А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ, О. А. РЖЕШЕВСКИЙ,
И. В. СОЗИН (заместитель главного редактора),
К. И. СЕДОВ, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, А. Я. ШЕВЕЛЕНКО,
В. В. ШЕЛОХАЕВ, В. А. ШИШКИН, В. Л. ЯНИН

© Издательство «Наука», «Вопросы истории», 1990 г.

ПУБЛИКАЦИИ

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ. РУКОПИСЬ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Советский читатель впервые получает возможность прочесть на русском языке полный текст одной из работ Розы Люксембург — видного деятеля польского, германского и международного рабочего движения. Жизнь ее трагически оборвалась в январе 1919 г., драматично сложилась и судьба ее литературно-политического наследия. Хотя Р. Люксембург справедливо считали одним из основателей международного коммунистического движения, Коминтерн с 1925 г. концентрировал внимание на «ошибках люксембургианства», а в СССР после разгромного письма Сталина против германских левых в 1931 г. ее работы перестали публиковать. Впрочем, и когда запреты пали, они все еще распространялись на «Рукопись о русской революции», поскольку в ней высказаны острые критические замечания в адрес «политики Ленина — Троцкого», да еще по вопросу о диктатуре пролетариата и демократии, говорится о «свободе для инакомыслящих» и т. п.

Р. Люксембург изложила эти свои мысли в камере Бреславльской тюрьмы в конце сентября — начале октября 1918 года. Работа осталась незавершенной, отрывочной, и в таком виде явно не предназначалась для печати. Вскоре автора захватил вихрь германской революции. О публикации рукописи не могло быть и речи. После гибели Р. Люксембург о судьбе рукописи ничего не было известно. Некоторое время спустя ее стал разыскивать близкий друг Розы П. Леви, бывший председатель Компартии Германии, только что исключенный из ее рядов. В начале 1922 г. он издал брошюру «Русская революция. Критическая оценка. Из наследия Розы Люксембург» [1]. В предисловии, более пространном, чем сама публикация, Леви, развернувший в то время борьбу против Ленина и Коминтерна, утверждал, что речь идет о «политическом завещании» Р. Люксембург, которое-де «некая сторона» намеревалась «предать огню»; что Роза своего критического отношения к большевикам ни в чем потом не изменила, «глубокая противоположность» между ними сохранилась [2].

С опровержением тотчас выступили ближайшие друзья Р. Люксембург К. Цеткин, А. Варский, затем Э. Мейер. Они решительно отрицали, что рукопись — последнее слово Розы, поскольку в ходе германской революции она многое пересмотрела, и энергично заявляли, что для принципиального противопоставления революционера-интернационалиста Р. Люксембург Ленину и большевикам нет ни малейших оснований [3].

В «Заметках публициста», написанных в феврале 1922 г., В. И. Ленин указал, что Леви издал как раз ту работу Р. Люксембург, в которой

[1] Die russische Revolution. Eine kritische Würdigung. Aus dem Nachlaß von Rosa Luxemburg. S. l. 1922.

[2] Ibid., S. 6, 53.

[3] Zetkin C. Um Rosa Luxemburgs Stellung zur russischen Revolution. Hamburg. 1922; Warski A. Rosa Luxemburgs Stellung zu den taktischen Problemen der Revolution. Hamburg. 1922; Meyer E. Rosa Luxemburgs Kritik der Bolschewiki. — Die Rote Fahne, Berlin, 15.I. 1922.

«она была неправа». Перечислив вопросы, по которым он спорил с нею еще в предвоенные годы, Ленин далее писал, что она «ошибалась в своих тюремных писаниях 1918 года (причем сама же по выходе из тюрьмы в конце 1918 и начале 1919 года исправила большую часть своих ошибок)». Заметив, что «она была и остается орлом», назвав ее «великой коммунисткой», он высказал убеждение, что «ее биография и *полное* собрание ее сочинений... будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира» [4]. Увы, в нашей стране этот завет не выполнен до сих пор [5].

Позднее стали выясняться конкретные обстоятельства создания «Рукописи о русской революции». Когда в сентябре 1918 г. в нелегальных «Spartakusbriefe» («Письма Спартака») была анонимно опубликована статья Р. Люксембург «Русская трагедия», в которой говорилось об ошибках большевиков, подписавших Брестский мир с германскими милитаристами, редакция сопроводила ее примечанием: «Статья выражает опасения, которые часто высказываются и в наших кругах,— опасения, вытекающие из *объективного положения* большевиков, а не из их *субъективных* действий. Мы публикуем статью особенно из-за ее вывода: без германской революции не может быть ни спасения русской революции, ни надежды на социализм в этой мировой войне. Остается единственное решение: массовое восстание германского пролетариата» [6].

Примечание возмутило Розу, и она прислала еще более резкую статью. Чтобы избежать конфликта, но все же убедить ее воздержаться в дальнейшем от публичной критики большевиков, находившихся в крайне тяжелой ситуации, к ней в тюрьму отправился Леви, бывший одним из редакторов издания. Согласившись с товарищами, Роза вскоре изложила на бумаге свои соображения и сомнения относительно русской революции и тактики большевиков [7].

В 1928 г. в социал-демократическом «Архиве истории социализма и рабочего движения», издававшемся К. Грюнбергом, появилась статья Ф. Вайля, пролившая дополнительный свет на характер и судьбу «Рукописи» [8]. Автор сообщил, что Институт социальных исследований при университете во Франкфурте-на-Майне в результате долгих поисков приобрел, наконец, у одного из участников революционного движения связку рукописей Розы Люксембург. Среди 108 страниц из школьных тетрадей, исписанных карандашом (37) или чернилами (71), были «Рукопись о русской революции», несколько отдельных листков с заметками, а также 14 страниц другой рукописи, названной Вайлем «Фрагмент о войне, национальном вопросе и революции».

Вайль установил, что Леви опубликовал «Рукопись» не по оригиналу (которого у него не было), а по найденной бывшим секретарем Розы М. Якоб у машинистки несверенной копии. В брошюру не вошла почти пятая часть материалов (21 страница), некоторые слова были неверно расшифрованы, в ней оказалось несколько вставок. Вайль опубликовал пропущенные тексты, подчеркнув, что рукопись не была готова к печати: то был лишь первый набросок, содержавший и конспективные заметки; текст не был, как обычно у Розы, стилистически отточен [9].

В послевоенных изданиях в ФРГ текст «Рукописи» воспроизводился без сверки с оригиналом, а в комментариях упор делался на *противо-*

---

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 421—422.

[5] В 1959 г. вышла брошюра Р. Люксембург «Социальная реформа или революция». В 1961 г. М. М. Кораллов выпустил сборник «Роза Люксембург о литературе»; в 1974 г. появился биографический очерк Р. Я. Евзерова и И. С. Яжборовской; в журналах публиковались некоторые письма Розы, статьи о ней.

[6] Spartakusbriefe. Brl. 1958. S. 453.

[7] См. об этом: Meyer E. Op. cit.

[8] Weil F. Rosa Luxemburg über die russische Revolution. In: Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung. Leipzig. 1928.

[9] Ibid., S. 285—292.

поставлении взглядов Р. Люксембург позиции Ленина и большевиков. Так, О. К. Флехтхайм старательно доказывал, что она «демократическая коммунистка», другие именовали ее сторонницей «человеческого коммунизма», «демократического социализма», «эмансипаторского социализма», «нонконформизма» и т. п. [10].

Полный текст «Рукописи», выверенный по фотокопии оригинала, находящейся в Центральном партархиве Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК СЕПГ в Берлине, опубликован в издании избранных трудов Р. Люксембург [11]. Оригинал рукописи хранится в архиве ИМЛ при ЦК КПСС в Москве.

Современному советскому читателю, привыкшему за последние годы к «сенсациям о прошлом», нет нужды объяснять, что́ в рукописи, написанной более 70 лет назад, «правильно» и что «неверно». И все же полезно обратить внимание на некоторые моменты, едва ли известные неспециалисту; это поможет лучше понять позиции Розы Люксембург в контексте ее времени.

Первое, что следует иметь в виду: рукопись остро полемична. Написана она по свежим следам событий, когда о дальнейшем их ходе можно было лишь строить догадки. В дополнение к сказанному выше об обстоятельствах ее создания, отмечу, что Роза сама объяснила задачи, которые перед собой ставила: опровергнуть ложные утверждения Каутского и меньшевиков, будто в России вообще невозможна социалистическая революция; дать критический разбор действий русских большевиков. И все это ради того, чтобы извлечь уроки для грядущей революции в Европе, в первую очередь в Германии, которую Роза ожидала с самым горячим нетерпением.

Как ее учители Маркс и Энгельс, как многие ее современники, Р. Люксембург была ярким полемистом. Ее талант теоретического и политического публициста, проявившийся еще на рубеже веков в острейшей схватке с ревизионизмом Э. Бернштейна, развивался и оттачивался в последующие два десятилетия. Она яростно и аргументированно спорила с А. Мильераном и Ж. Жоресом, с Г. Фольмаром и Г. В. Плехановым, с Ф. Эбертом и Ф. Шейдеманом, с другими «правыми». В последнее десятилетие жизни главным ее оппонентом стал Каутский. До того, хотя и ненадежный, но все же союзник левых социал-демократов, он стал после первой российской революции лидером «марксистского центра» и «официозным» (по выражению Розы) теоретиком социал-демократии. В годы войны она считала именно его опаснейшим противником как российской, так и надвигавшейся европейской революции. Об этом говорится уже на первых страницах «Рукописи».

Однако Р. Люксембург частенько спорила, хотя и в ином ключе, не только с идейными противниками, но и с единомышленниками и соратниками, отстаивая сложившиеся у нее — верные или неверные — представления. Еще в 1905 г. она разошлась с Каутским во взглядах на судьбу Польши, позднее полемизировала по вопросам тактики с А. Бебелем, по организационному и другим вопросам — с Лениным (Социал-демократическая партия Королевства Польского и Литвы, одним из создателей и руководителей которой была Р. Люксембург, входила в РСДРП). При этом с Лениным ее связывала не только общность революционных позиций, но и взаимная симпатия. Стоит вспомнить, что они совместно выступали на Штутгартском конгрессе II Интернационала в 1907 г. по во-

---

[10] Luxemburg R. Die russische Revolution. Frankfurt a. M. 1963; см. также: Laschitza A. Rosa-Luxemburg Edition und- Forschung in der DDR. Bilanz und Ausblick.— Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung, 1986, Hf. 4, S. 485–487.

[11] Luxemburg R. Gesammelte Werke. Bd. 4. Brl. 1974, S. 332–365.

просам войны, мира и революции. Но в спорах по принципиальным вопросам они друг другу спуску не давали.

Читатель, очевидно, знает острую публичную критику Лениным летом 1916 г. брошюры Юниуса (псевдоним Р. Люксембург), но обратил ли он внимание на общую оценку позиции ее автора? Отметив, что наконец-то в Германии вышла написанная чрезвычайно живо нелегальная брошюра, которая несомненно сыграла и сыграет крупную роль в идейной борьбе, от всей души приветствуя ее автора, Ленин писал: «Посвящая дальнейшее критике недостатков и ошибок Юниуса, мы должны усиленно подчеркнуть, что делаем это ради необходимой для марксистов самокритики и всесторонней проверки взглядов, которые должны послужить идейной базой III Интернационала. Брошюра Юниуса в общем и целом — прекрасная марксистская работа, и вполне возможно, что ее недостатки носят до известной степени случайный характер» [12].

Стоит ли после этого удивляться, что Р. Люксембург считала себя вправе, более того, обязанной, критически отнестись к тем или иным действиям Ленина и большевиков в Октябрьской революции? Высоко оценивая их заслуги, она вместе с тем была убеждена, что «только обстоятельная, вдумчивая критика способна раскрыть сокровища опыта и уроков». Не следует опасаться, писала Роза, что критика «подорвет авторитет и привлекательность примера российских пролетариев», напротив, именно «критическое осмысление русской революции... есть лучшая школа для германского и международного пролетариата в решении тех задач, которые вырастают перед ними из современной ситуации».

Второй важный момент для понимания подхода Р. Люксембург к оценке Октября состоит в общем для всех революционеров-интернационалистов той поры убеждении, что мировая империалистическая война чревата если не сразу мировой, то поначалу хотя бы европейской социалистической революцией. Первый шаг к ней она увидела в российской революции.

Вскоре после Февраля Роза писала К. Цеткин из тюрьмы: «Я рассматриваю то, что там произошло, лишь как маленькую увертюру. Дела там должны стать грандиозными, это в самой природе вещей. А эхо во всем мире не заставит себя ждать». Своей подруге М. Розенбаум она внушала: «Боюсь, вы недостаточно высоко оцениваете, недостаточно ощущаете, что там побеждает наше собственное дело. Революция *должна*, она *будет* воздействовать спасительно на весь мир, оказывать влияние на всю Европу. Я непоколебимо убеждена, что теперь начинается новая эпоха и что война не сможет длиться долго». А Л. Каутскую спрашивала: «Разве ты не понимаешь, что... это персонифицированная мировая история ведет там бой и радостно пляшет карманьолу?» [13].

Летом 1917 г. в статьях для «Spartakusbriefe» и дуйсбургской газеты «Der Kampf» Р. Люксембург разъясняла, что развитие русской революции неизбежно ведет к диктатуре пролетариата. Она это приветствовала, но тревожилась, сможет ли в России удержаться пролетарская власть, если ее своевременно не поддержит международная пролетарская революция, ведь европейская буржуазия уже готовит против нее «крестовый поход» всех сил, и первыми в нем будут германские милитаристы. Надо, призывала Роза, провозгласить в каждой стране, что существует единственная альтернатива: «Империализм или социализм! Война или революция! Третьего не дано!» [14].

Узнав о победе Октября в России, Р. Люксембург написала М. Розенбаум: «Я каждое утро и каждый вечер хватаю нетерпеливой рукой свежие газеты, но известия, к сожалению, кратки и сбивчивы... Уже самое начало борьбы там за власть — пощечина здешней социал-демократии и всему спящему Интернационалу. Каутский, разумеется, не нашел ниче-

[12] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 2.
[13] Цит. по: Драбкин Я. С. Четверо стойких. М. 1985, с. 246.
[14] Luxemburg R. Gesammelte Werke. Bd. 4, S. 264.

го лучшего, чем доказывать статистически, что общественные отношения в России еще не созрели для диктатуры пролетариата! Достойный «теоретик»!.. Он позабыл, что «статистически» Франция в 1789-м, а также в 1793 году была еще гораздо менее зрелой для господства буржуазии... К счастью, история не движется по теоретическим рецептам Каутского, так что будем надеяться на лучшее». Об этом же Роза писала и Л. Каутской: «Радуют ли тебя русские? Конечно, в этом шабаше ведьм они не смогут удержаться у власти. Но не потому, что статистика доказывает слишком большую отсталость экономического развития России, как высчитал твой умный супруг, а потому, что социал-демократия высокоразвитого Запада состоит из самых подлых трусов и будет спокойно смотреть, как русские истекают кровью» [15].

Из этих опасений за судьбы российской и европейской революции вытекало и отрицательное отношение Розы Люксембург к Брестскому миру. В статьях «Историческая ответственность» и «Навстречу катастрофе», напечатанных в «Spartakusbriefe» в январе и июне 1918 г., она критически отзывалась о «розовых надеждах» Троцкого и предупреждала, что германский империализм будет всеми силами душить революцию в России. Она считала, что заключить тяжелый мир русских революционеров вынудило послушание немецких рабочих своим властям, и потому призывала: «Только с факелом революции, только открытой массовой борьбой за политическую власть, за господство народа и республику в Германии можно сейчас помешать новой вспышке бойни народов и триумфу германских аннексионистов на Востоке и Западе. Германские рабочие призваны теперь понести весть о революции и мире с Востока на Запад» [16].

В статье «Русская трагедия» Роза с горечью отметила, что подписание Брестского мира не спасло Советскую Россию от окружения, блокады голодом, удушения революции в самых развитых областях страны. «Большевики,— писала она,— конечно, допустили в своей политике разные ошибки и, возможно, делают их и сейчас. Но назовите нам революцию, в которой не делали бы ошибок! Представление о революционной политике без ошибок, да сверх всего в такой совершенно беспримерной ситуации, это такая безвкусица, какую способен высказать лишь немецкий поучающий педант». Вместе с тем Роза полагала, что роковая трагедия, в которую втянуты большевики, является также «следствием принципиальной неразрешимости проблемы, перед которой они поставлены международным, прежде всего германским, пролетариатом. Осуществить пролетарскую диктатуру и социалистический переворот в одной отдельной стране, окруженной жестким господством империалистической реакции и волнами самой кровавой в человеческой истории мировой войны,— это квадратура круга. При решении такой задачи должна была бы потерпеть неудачу и погибнуть любая социалистическая партия — независимо от того, сделала ли бы она путеводной звездой своей политики волю к победе и веру в интернациональный социализм или же выбрала самоотречение» [17].

Надо ли считать эту мысль Р. Люксембург (так рассуждали не только она, но и некоторые другие европейские социал-демократы) устаревшей и ошибочной, или же стоит всерьез отнестись к ее словам о «русской трагедии»? Предоставим читателю поразмышлять над этим вопросом, который он встретит и в публикуемой «Рукописи». Заметим, однако, что, независимо от того, верна или неверна эта посылка, Р. Люксембург как истинный революционер-интернационалист делала из нее единственно точный практический вывод: «Есть лишь одно разрешение трагедии, в которую впутана Россия: восстание в тылу германского импе-

[15] Цит. по: Драбкин Я. С. Ук. соч., с. 270.
[16] Luxemburg R. Gesammelte Werke. Bd. 4, S. 379.
[17] Ibid., S. 390—391.

рнализма, подъем германских масс как сигнал к международному революционному окончанию бойни народов» [18].

Третье обстоятельство (его важно иметь в виду при чтении III раздела «Рукописи»): разногласия между Р. Люксембург и Лениным по *крестьянскому* и *национальному* вопросам проявлялись и прежде. В ее подходе к крестьянскому вопросу всегда сказывались традиционные для социал-демократии представления: при переходе к социализму крестьянство скорее враг, чем союзник пролетариата; дифференциация в среде крестьянства не очень значительна; крупное сельскохозяйственное производство абсолютно предпочтительнее мелкого. Хотя в «Рукописи» ленинское решение вопроса о земле расценено в политическом смысле как «превосходная тактика», в разделе земли усматривается экономическая ошибка, создающая препятствия на пути к социализму. Сказывается здесь и явно недостаточная информированность автора.

Роза, например, считала, будто земля передавалась крестьянам в *собственность*, и потому сетовала, что не была проведена ее *национализация*. Между тем в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа прямо говорилось: «Частная собственность на землю отменяется. Вся земля, со всеми постройками, инвентарем и прочими принадлежностями сельскохозяйственного производства, объявляется достоянием всего трудящегося народа» [19]. Видимо, остался неизвестным Р. Люксембург и Основной закон о социализации земли, опубликованный в феврале 1918 года. В то же время нельзя не отметить меткость ее суждения, что самая трудная из задач социалистического преобразования — преобразование деревни, что и на Западе социалистам придется сломать себе не один зуб об этот «твердый орешек».

Отрицательное отношение к лозунгу о праве наций на самоопределение как выгодному якобы лишь национальной буржуазии, а не интернациональному пролетариату, Р. Люксембург сохраняла еще с конца XIX века. Ее стремление «перепрыгнуть» через национальное сознание разделяли и некоторые другие революционеры, в том числе большевики Н. И. Бухарин, Г. Л. Пятаков. Накануне мировой войны этот вопрос был предметом обстоятельной дискуссии [20]. Хотя война показала, сколь живучи националистические настроения и в рабочем классе, Р. Люксембург в статьях и в «Рукописи» не только продолжала считать лозунг самоопределения наций «пустой фразой», но даже обвинила Ленина и большевиков в том, что они дали контрреволюционной буржуазии «идейное знамя» и потому повинны в «развале России». О неглубоком знании Р. Люксембург российской истории говорит факт полного отрицания ею самостоятельной государственности и даже национальной культуры украинцев. Вместе с тем нельзя отбросить ее предостережения: национализм используется реакцией для подрыва борьбы рабочих за социальное освобождение.

Четвертая проблема, с которой столкнется читатель «Рукописи», ныне самая актуальная и животрепещущая: о соотношении *демократии* и *диктатуры, насилия* и *свободы*. Р. Люксембург и эти вопросы поднимала в «Рукописи» не впервые. Как все революционные марксисты она обращалась к ним в спорах с ревизионистами, реформистами, Каутским. Выпустив летом 1918 г. брошюру «Диктатура пролетариата» [21], он окончательно стал в ряды злейших противников не только большевиков и российской революции, но и революции германской. Ведя с ним спор в «Рукописи», Роза, разумеется, не могла знать того развернутого ответа на его писания, который именно тогда готовил Ленин [22].

---

[18] Ibid., S. 391.
[19] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 221.
[20] См. там же. Т. 30, с. 17—58.
[21] Kautsky K. Die Diktatur des Proletariats. Wien. 1918.
[22] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37, с. 101—110; 235—338.

Представление о положении в Советской России и тактике большевиков Р. Люксембург вырабатывала почти исключительно на основе доступных ей в тюрьме немецких газет, буржуазных и социал-демократических. Кое о чем информировали товарищи. У нее в руках были брошюра Троцского [23], пересказ брошюры и доклада Ленина об очередных задачах Советской власти [24]. Читателю предстоит непростая, но интересная задача: отделить то, чего она не знала или в чем не сумела разобраться, от того, что провидчески разглядела, опираясь на обширнейшие исторические и теоретические познания и свою интуицию. Несколько справок и уточнений помогут читателю ориентироваться.

Р. Люксембург признала правомерность роспуска Учредительного собрания, но полагала, что нужно было сразу же назначить новые всеобщие выборы; она размышляла о возможности сочетания с ним Советов, в которых видела «становой хребет» революции. Исторические экскурсы о влиянии настроений масс на революционные парламенты, несомненно, интересны, но к условиям России, не прошедшей школу настоящего парламентаризма, этот опыт был вряд ли приложим.

Ограничение избирательного права, свободы печати, деятельности партий и других демократических институтов, как известно, до Октября большевиками не предусматривалось. Р. Люксембург поняла, что постановка этих вопросов — результат натиска контрреволюции, саботажа чиновников, конфликтной ситуации из-за мира с Германией. Конституции РСФСР, принятой в июле 1918 г., она, по-видимому, не знала, а более поздних высказываний Ленина, считавшего ограничения необщезначимыми, чрезвычайными и временными [25], и не могла уже узнать. Иначе она не рассуждала бы о том, что избирательное право было выработано неизвестно для кого и для чего, являлось «продуктом кабинетной теории».

Никак нельзя считать, что Р. Люксембург была противником революционного насилия вообще. Она признает правомерность суровых мер, применения «железного кулака» против контрреволюционеров и саботажников, в том числе и ради сохранения целостности страны. Бесспорны ее мысли о важности интенсивного политического воспитания масс на их собственном опыте. Актуально звучат, особенно сегодня, ее слова о том, что «свобода всегда есть свобода для инакомыслящих», что от этой ее сути зависит все живительное, целительное и очищающее действие демократии. Следует только иметь в виду, что «инакомыслящими» она называла не врагов революции, а многомиллионные народные массы, тогда политически непросвещенные и потому едва ли способные в полном объеме воспринять социалистическую программу партии большевиков. Ее серьезно беспокоило (и мы теперь ясно видим, что для этого были реальные основания), как бы не угасли революционная активность и самодеятельность масс, как бы широкое применение террора против врагов революции не привело к падению морали самих революционеров, как бы диктатура пролетариата не выродилась в диктатуру вождей, даже буржуазную диктатуру.

Уподобление «теории Ленина — Троцкого», как она ее поняла, взглядам Каутского было в устах Р. Люксембург, несомненно, самым страшным обвинением. Явилось ли это сравнение результатом недостаточного знания конкретной реальности, полемическим «перебором»? Или ей, так сказать, «со стороны», было виднее то, что «изнутри» целиком объясня-

---

[23] Троцкий Л. От Октябрьской революции до Брестского мира. М. 1918.

[24] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 165—208; 239—276; Nach der russischen Revolution. — Mitteilungs-Blatt des Verbandes der sozialdemokratischen Wahlvereine Berlins und Umgegend (орган Независимой социал-демократической партии Германии), 1918, № 36.

[25] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 73—74; т. 38, с. 171—173; т. 39, с. 423.

лось и оправдывалось чрезвычайными обстоятельствами? Все это требует разностороннего и взвешенного анализа. Отметим, что сама Роза неоднократно объясняет ошибки большевиков труднейшими условиями, однако моральная высота и принципиальность ее подхода проявились в убеждении, что ошибка не перестает быть ошибкой и тогда, когда целиком вынуждена обстоятельствами. «Опасность начинается тогда,— писала она,— когда... нужду выдают за добродетель». И если Ленин при оценке российского опыта и его общезначимости почти всегда был осторожен и самокритичен, то этого никак нельзя сказать о его преемниках, которые, чем дальше, тем самоувереннее и настойчивее, толковали о «столбовой дороге» и выше небес превозносили уникальный опыт первопроходцев.

Хотелось бы посоветовать читателю, после того как он глубоко продумает все критические соображения Р. Люксембург, еще раз просмотреть начало и конец рукописи, чтобы убедиться, как высоко она оценивала международное значение Октября, заслуги Ленина и большевиков. Тогда станет очевиднее, что ее критика — и там, где она неправа, и там, где она поразительно прозорлива,— свидетельство ее глубокой верности принципам революционного марксизма, интернационализму, искренней солидарности со страной и партией Ленина.

Пятое, и последнее. После выхода из тюрьмы Р. Люксембург осталось жить немногим более двух месяцев, тем не менее, непрерывно находясь в самом центре революционных событий, она успела кое на что существенное изменить взгляд, и это следует иметь в виду. Так, она воочию убедилась, что не только в российской, но и в германской революции носителями ее идей стали органы революционной инициативы масс — рабочие и солдатские Советы. Она без колебаний провозгласила лозунг «Вся власть Советам!», а когда кардинальным вопросом и германской революции оказался вопрос «Советы *или* Учредительное собрание?», написала: «Созыв Национального собрания лишь усилит позиции буржуазии, ослабит и запутает пролетариат пустыми иллюзиями, поведет к растрате времени и сил на «дискуссии» между волком и ягненком, одним словом, поможет тем элементам, желание и намерение которых — лишить пролетарскую революцию ее социалистических целей, выхолостить ее, превратить в буржуазную демократическую революцию» [26].

Нет, Роза не стала противником всеобщих выборов, но в роли выходящего из них парламента более не заблуждалась: «Тот, кто ныне хватается за Национальное собрание, сознательно или бессознательно возвращает революцию на пройденную историческую стадию буржуазных революций, скрытый агент буржуазии или несознательный идеолог мещанства». Предельно четко она определила историческую задачу: «Не о том идет сейчас речь — демократия или диктатура. Поставленный историей в порядок дня вопрос гласит: *буржуазная* демократия или *социалистическая* демократия. Ибо диктатура пролетариата — это демократия в социалистическом смысле. Диктатура пролетариата — это не бомбы, путчи и беспорядки, «анархия», как сознательно фальсифицируют дело агенты капиталистической прибыли, это использование всех политических средств власти для осуществления социализма, для экспроприации капиталистов — в соответствии с желанием и волей революционного большинства пролетариата» [27]. Несколько дней спустя орган ЦК КПГ дал чеканную формулу: «За или против социализма, против или за Национальное собрание, третьего нет!» [28].

В докладе о политической ситуации и программе партии на учредительном съезде партии германских коммунистов Р. Люксембург напомнила: «Мы не должны упускать случая, когда слышим клевету на русских большевиков, отвечать: а где возникла азбука нынешней революции?

[26] Luxemburg R. Gesammelte Werke. Bd. 4, S. 409.
[27] Ibid., S. 409—410.
[28] Die Rote Fahne, 23.XI.1918.

Вы взяли ее у русских рабочих — рабочие и солдатские Советы!.. Это русская революция дала первые лозунги для революции мировой» [29].

Подчеркнув, что германские коммунисты «снова с Марксом, под его знаменем», она отметила, что нет ничего более вредного для революции, чем иллюзии, нет ничего более полезного для нее, чем ясная, откровенная правда. В написанной ею партийной программе выражено понимание как необходимости самых решительных действий, так и сложности перехода к социализму. Задача огромна и трудна, отмечала Роза, ибо германская буржуазия, «грубая, циничная и подлая», несомненно обрушит на пролетариат все силы неба и ада. «Было бы безумием верить, что капиталисты благодушно подчинятся социалистическому вердикту парламента, Национального собрания, спокойно откажутся от собственности, прибыли, привилегии эксплуатации... Их сопротивление должно быть сломлено шаг за шагом железным кулаком и беспощадной энергией. Силе буржуазной контрреволюции должна быть противопоставлена революционная сила пролетариата, заговорам, козням и провокациям буржуазии — несгибаемая ясность цели, бдительность и готовность масс к активным действиям». «Борьба за социализм,— разъясняла Р. Люксембург,— это самая острая гражданская война, какую видела мировая история, и пролетарская революция обязана создать для этой войны необходимое оружие, должна научиться им пользоваться— бороться и побеждать. Наделение сплоченной массы трудового народа всей политической властью для решения задач революции — это и есть диктатура пролетариата и потому истинная демократия» [30].

В один из тех дней, когда в Берлине рождалась КПГ, в Кремле посланец спартаковцев Э. Фукс вручил Ленину написанную по-русски записку: «Дорогой Владимир! Пользуюсь поездкой дяди, чтобы передать всем вам сердечный привет от нашей семьи, Карла, Франца и других. Дай бог, чтобы грядущий год все наши желания исполнил. Всего хорошего! О нашем житье—бытье расскажет дядя. Пока всем рукопожатия и приветы. Роза» [31].

В квадратные скобки [] вставлены слова, необходимые для связности текста. В угловых скобках ⟨⟩ приведены заметки автора на полях без указания места, куда они должны были быть вставлены, а также дополнения, написанные на отдельных листках. В ряде случаев это наметки для дальнейшей разработки. Фрагмент «О войне, национальном вопросе и революции» в данную публикацию не вошел. Явные описки в тексте исправлены, важные — отмечены в примечаниях.

Перевод «Рукописи о русской революции», предисловие, публикация и примечания Я. С. ДРАБКИНА.

I

Русская революция — величайшее событие мировой войны. Ее взрыв, ее беспримерный радикализм, ее длительное влияние лучше всего опровергают те лживые фразы, которыми официальная германская социал-демократия услужливо пыталась с самого начала идеологически приукрасить завоевательный поход германского империализма,— фразы о миссии германских штыков свергнуть русский царизм и освободить угнетенные

ДРАБКИН Яков Самойлович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР.

[29] Luxemburg R. Gesammelte Werke. Bd. 4, S. 498.

[30] Ibid., S. 494, 501, 446, 447.

[31] Цит. по: Драбкин Я. С. Ук. соч., с. 339.

им народы. Огромный размах и глубокое воздействие революции в России, которая потрясла все классовые отношения и обнажила все социальные и экономические проблемы, фатальность внутренней логики ее последовательного продвижения вперед от первой стадии буржуазной республики к дальнейшим фазам — причем свержение царизма осталось лишь мелким эпизодом, почти пустяком — все это со всей очевидностью показывает: освобождение России было не результатом войны и военного поражения царизма, не заслугой «немецких штыков в немецких руках», как предсказывала передовица журнала «Neue Zeit» под редакцией Каутского, а имело глубокие корни в собственной стране и внутренне полностью созрело. Военная авантюра германского империализма под идеологическим щитом германской социал-демократии не вызвала революцию в России, а напротив, ее вначале временно прервала после первого бурного подъема в 1912—1913 гг., затем же, когда революция грянула, создала для нее самые трудные, самые анормальные условия.

Такое развитие [революции] является для каждого думающего наблюдателя самым убедительным опровержением доктринерской теории, разделяемой Каутским с партией правительственных социалистов, согласно которой Россия как страна экономически отсталая, преимущественно аграрная, будто бы еще не созрела для социальной революции и для диктатуры пролетариата. Это теория, которая считает допустимой в России только *буржуазную* революцию,— а из этого мнения вытекает также и тактика коалиции социалистов в России с буржуазными либералами,— это одновременно теория оппортунистического крыла в российском рабочем движении, так называемых меньшевиков под испытанным руководством Аксельрода и Дана. Как русские, так и германские оппортунисты целиком сходятся в этой принципиальной оценке русской революции, из которой само собой следует отношение к деталям тактики, с германскими правительственными социалистами. По мнению всех трех, русская революция должна была бы остановиться на той стадии, которую (по мифологическому представлению германской социал-демократии) поставило своей благородной задачей военное командование германского империализма: на свержении царизма. Если же она вышла за эти рамки, если она поставила своей задачей установление диктатуры пролетариата, то это, согласно данной доктрине, просто ошибка радикального крыла русского рабочего движения, большевиков; и все превратности, постигшие революцию в ее дальнейшем ходе, все неурядицы, жертвой которых она стала, изображаются именно как прямой результат этой роковой ошибки.

Теоретически эта доктрина, рекомендуемая одновременно и газетой «Vorwärts» Штампфера [1], и Каутским в качестве плода «марксистской мысли», ведет к оригинальному «марксистскому» открытию, что социалистический переворот является будто бы национальным, так сказать, домашним делом каждого современного государства в отдельности. Каутский, естественно, умеет, в форме голубой мечты и абстрактной схемы подробно расписать всемирные экономические связи капитализма, превращающие все современные страны во взаимосвязанный организм.

Российская революция — плод *международного* развития и аграрного вопроса, а эти вопросы не могут быть разрешены в рамках буржуазного общества.

Практически эта доктрина выражает тенденцию — снять с международного, прежде всего германского, пролетариата ответственность за судьбы русской революции, игнорировать международные связи этой революции. Ход войны и русской революции доказал не незрелость России, а незрелость германского пролетариата для выполнения исторических задач, и первая задача критического рассмотрения русской революции — подчеркнуть это со всей определенностью. Судьба революции в России полностью зависела от *международных* [событий]. То, что большевики целиком ориентировали свою политику на мировую революцию пролета-

риата, как раз и есть самое блестящее свидетельство их политической дальновидности и принципиальной верности смелому курсу избранной политики. Это результат колоссального скачка капиталистического развития за последнее десятилетие. Революция 1905—1907 гг. нашла лишь слабый отклик в Европе и потому остановилась в начальной стадии. Продолжение и решение [задач] было связано с европейским развитием.

Ясно, что не некритичная апологетика, а только обстоятельная, вдумчивая критика способна раскрыть сокровища опыта и уроков. Было бы поистине безрассудным представление, будто при первом всемирно-историческом эксперименте с диктатурой рабочего класса решительно все, что сделано и не сделано в России, могло стать вершиной совершенства. Ведь эксперимент с рабочей диктатурой осуществлялся в немыслимо трудных, анормальных условиях: посреди мирового пожара и хаоса империалистической бойни народов, в железной петле самой реакционной военной державы Европы, при полном бездействии международного пролетариата. Напротив, элементарные понятия о социалистической политике и представления о ее необходимых исторических предпосылках вынуждают признать, что в таких фатальных условиях даже самый огромный идеализм, самая безграничная революционная энергия способны осуществить не демократию и не социализм, а лишь бессильные, искаженные их попытки.

Первейший долг социалистов всех стран — ясно представить себе все это в глубокой взаимосвязи и со всеми последствиями, ибо лишь на основе горького осознания можно оценить всю меру собственной ответственности международного пролетариата за судьбы русской революции. Вместе с тем, только таким образом проявляется решающее значение сплоченных международных действий пролетарской революции как основного условия, без которого даже величайшая добросовестность и самые большие жертвы пролетариата в отдельной стране неизбежно должны будут запутаться в клубке противоречий и ошибочных шагов.

Не может быть никакого сомнения, что умные люди во главе русской революции, что Ленин и Троцкий на своем тернистом пути, где их подстерегали разного рода ловушки, делали многие решающие шаги, лишь преодолевая сильнейшее внутреннее сопротивление и величайшие внутренние сомнения. Они сами бесконечно далеки от того, чтобы усматривать во всем образе своих действий в кипящем котле событий, в жестких тисках обстоятельств нечто такое, что Интернационал воспримет как великий образец социалистической политики, достойный лишь некритического восхищения и пылкого подражания.

Столь же ошибочно было бы опасаться, что критическое осмысление тех путей, которыми шла до сих пор русская революция, серьезно подорвет авторитет и привлекательность примера российских пролетариев, единственно способного преодолеть фатальную инертность немецких масс. Все обстоит совсем иначе. Пробуждение революционной активности рабочего класса Германии никогда не может быть достигнуто посредством чудодейственных опекунских методов блаженной памяти германской социал-демократии, каким-либо массовым гипнозом, слепой верой в незапятнанный авторитет собственных ли «инстанций» или же «русского примера». Историческая дееспособность германского пролетариата может родиться не путем создания революционного «ура»-настроения, а, напротив, только путем осознания всей страшной серьезности, всей сложности задач, исходя из политической зрелости и духовной самостоятельности, из критической способности принимать решения, которую германская социал-демократия систематически убивала в течение десятилетий под самыми разными предлогами. Критическое осмысление русской революции во всех ее исторических взаимосвязях есть лучшая школа для германского и международного пролетариата в решении тех задач, которые вырастают перед ними из современной ситуации.

II

Первый период русской революции — от ее взрыва в марте до Октябрьского переворота — в общем точно соответствует схеме развития как Великой Английской, так и Великой Французской революций. Это типичный ход развития всякого первого крупного генерального столкновения революционных сил, возникших в недрах буржуазного общества, с крепостями старого общества.

Это развитие идет естественно по восходящей линии: от первоначальной умеренности ко все большей радикализации целей и параллельно этому — от коалиции классов и партий к единовластию самой радикальной партии.

В первый момент, в марте 1917 г., во главе революции стояли «кадеты», т. е. либеральная буржуазия. Первый всеобщий подъем революционной волны увлек всех и вся: IV Дума, самый реакционный продукт реакционнейшего четырехклассного избирательного права, созданного государственным переворотом, вдруг превратилась в орган революции. Все буржуазные партии, включая правых националистов, вдруг образовали фалангу против абсолютизма. Он пал под первым натиском почти без борьбы, как отмерший орган, который надо было лишь тронуть, чтобы он отвалился. Краткая попытка либеральной буржуазии спасти хотя бы династию и трон тоже провалилась через несколько часов. Стремительный ход развития преодолел за дни и часы расстояния, для которых Франции некогда потребовались десятилетия. Это показало, что Россия реализовала результаты европейского развития за целое столетие и прежде всего то, что революция 1917 г. была прямым продолжением революции 1905—1907 гг., а не подарком германских «освободителей». Движение в марте 1917 г. непосредственно продолжило то дело, которое было прервано десять лет назад. Демократическая республика была готовым, внутренне созревшим плодом уже самого первого натиска революции.

Однако теперь встала вторая, более трудная задача. Движущей силой революции были с самого начала городские пролетарские массы. Их требования не ограничивались, однако, политической демократией, а были направлены на решение самого жгучего вопроса международной политики — достижение немедленного мира. Одновременно революция опиралась на солдатские массы, также выдвинувшие требование немедленного мира, и на крестьянские массы, которые выдвинули на первый план аграрный вопрос, эту узловую проблему революции еще с 1905 года. Немедленный мир и земля — обе эти цели обусловили внутренний раскол революционной фаланги. Требование немедленного мира пришло в острейшее противоречие с империалистическими устремлениями либеральной буржуазии, глашатаем которой был Милюков; вопрос о земле был жупелом сначала для другого крыла буржуазии — помещиков, но затем стал им же для всех буржуазных классов, так как это было покушением вообще на священную частную собственность, их больное место.

Так на следующий день после первой победы революции началась внутренняя борьба в ее лоне вокруг двух центральных проблем: вопроса о мире и вопроса о земле. Либеральная буржуазия начала тактику затяжек и проволочек. Рабочие массы, армия, крестьянство все настойчивее торопили. Нет никакого сомнения, что с вопросами о мире и о земле были связаны и судьбы самой политической демократии и республики. Буржуазные классы, захваченные первой волной революции и позволившие увлечь себя до признания республиканской формы государства, вскоре начали искать пути для отступления и тайно организовывать контрреволюцию. Поход казаков Каледина на Петербург ясно выявил эту тенденцию. Если бы эта атака увенчалась успехом, была бы решена судьба не только вопросов о мире и земле, но и демократии, и самой респуб-

лики. Неизбежным следствием стали бы военная диктатура с террором против пролетариата, а потом и возврат к монархии.

На этом примере можно оценить утопизм и по сути дела реакционность тактики, которой руководствовались меньшевики — русские социалисты каутскианского направления.

‹К проблеме демократии. Демократия и диктатура К. К[аутского].

С искренним удивлением можно наблюдать, как этот усердный муж в течение четырех лет мировой войны своей неутомимой писательской деятельностью спокойно и методично прорывает в социализме одну теоретическую дыру за другой. После такой его работы социализм выглядит, как сито, без единого здорового места. Некритическое равнодушие, с каким его свита наблюдает за этим усердным трудом своего официального теоретика и, не моргнув глазом, глотает все новые его открытия, сравнимо лишь с тем, как свита Шейдемана и К° наблюдает за тем, как эти последние *на практике* шаг за шагом дырявят социализм. В действительности обе группировки вполне дополняют одна другую, и Каутский, официальный страж марксистского храма, с начала войны делает теоретически то же самое, что шейдемановцы практически. Он проповедует: 1) Интернационал — инструмент мира; 2) Разоружение и Лига наций, национализм; наконец, 3) Демократия, а *не* социализм.›

Ухватившись за фикцию о буржуазном характере русской революции — поскольку-де Россия еще не созрела для социальной революции — они [меньшевики] отчаянно цеплялись за коалицию с буржуазными либералами, т. е. за насильственное соединение тех элементов, которые, будучи расколоты естественным внутренним ходом революционного развития, оказались в острейшем противоречии друг с другом. Аксельрод и Дан хотели любой ценой сотрудничать с теми классами и партиями, со стороны которых революции и ее первому завоеванию — демократии угрожали величайшие опасности.

В этой ситуации именно большевистскому направлению принадлежит историческая заслуга, что оно с самого начала провозгласило и проводило с железной последовательностью ту тактику, которая одна лишь могла спасти демократию и толкать революцию вперед. «Вся власть исключительно в руки рабочих и крестьянских масс, в руки Советов» — таков был действительно единственный выход из трудного положения, в каком оказалась революция; то был удар мечом, который разрубил гордиев узел, вывел революцию из теснины и раскрыл перед ней широкий простор для ее беспрепятственного дальнейшего развития.

Итак, партия Ленина была единственной в России, понявшей в этот первый период революции ее истинные интересы; она была ее движущей силой и в этом смысле единственной партией, которая осуществляла истинно социалистическую политику.

Этим объясняется и то, почему большевики, в начале революции травимое со всех сторон, оклеветанное и гонимое меньшинство, в кратчайший срок смогли встать во главе революции и собрать под свои знамена все подлинно народные массы: городской пролетариат, армию, крестьянство, а также революционные элементы демократии, левое крыло социалистов-революционеров.

Реальная ситуация русской революции привела через несколько месяцев к альтернативе: победа контрреволюции или диктатура пролетариата, Каледин или Ленин. Таково было объективное положение, которое складывается очень скоро в любой революции, когда проходит первое опьянение, и которое в России выросло из конкретных жгучих вопросов о мире и земле, не находивших решения в рамках «буржуазной» революции.

Русская революция лишь подтвердила этим основной урок всякой великой революции, жизненный закон которой гласит: либо она должна очень быстро и решительно рвануться вперед, сокрушая железной рукой все препятствия и выдвигая все более далеко идущие цели, либо она

будет очень скоро отброшена назад, за свой слабый исходный пункт и задавлена контрреволюцией. В революции не может быть остановки, топтания на месте, самоограничения первой же достигнутой целью. И тот, кто пытается перенести на революционную тактику доморощенную премудрость из парламентских войн мышей и лягушек, показывает только, что ему столь же чужды психология, жизненный закон самой революции, как и весь исторический опыт, что они для него — книга за семью печатями.

Ход Английской революции со времени ее начала в 1642 году. Логика событий привела к тому, что поначалу слабые колебания пресвитерианцев, робкая война против армии роялистов, в которой пресвитерианские главари намеренно избегали решающего сражения и победы над Карлом I, неотвратимо привели к тому, что индепенденты изгнали их из парламента и сами захватили власть. Также и в дальнейшем внутри войска индепендентов низшая мелкобуржуазная масса солдат, «уравнители» Лильберна, образовали ударную силу всего индепендентского движения, а в конце концов пролетарские элементы солдатской массы, зашедшие дальше всех элементы социального переворота, чьи интересы выражало движение диггеров, стали в свою очередь закваской в демократической партии «уравнителей».

Без духовного воздействия революционных пролетарских элементов на массу солдат, без давления демократической солдатской массы на буржуазный верхний слой партии индепендентов дело не дошло бы ни до «чистки» Долгого парламента от пресвитериан, ни до победоносного окончания войны с армией кавалеров и с шотландцами, ни до процесса и казни Карла I, ни до упразднения палаты лордов и провозглашения республики.

Как обстояло дело в Великой Французской революции? Захват власти якобинцами оказался здесь после четырехлетней борьбы единственным средством спасения завоеваний революции, осуществления республики, сокрушения феодализма, организации революционной обороны как от внутренних, так и от внешних врагов, подавления заговоров контрреволюции, распространения революционной волны из Франции на всю Европу.

Каутский и его русские единомышленники, которые хотели, чтобы русская революция сохранила «буржуазный характер» своей первой фазы,— точное подобие тех германских и английских либералов прошлого века, которые различали в Великой Французской революции два известных периода: «хорошая» революция первой, жирондистской фазы и «плохая» со времени якобинского переворота. При либеральном поверхностном понимании истории, разумеется, мудрено было понять, что без переворота «крайних» якобинцев под обломками революции были бы похоронены даже первые робкие и половинчатые завоевания жирондистской фазы, что истинной альтернативой якобинской диктатуре, созданной железным ходом исторического развития в 1793 г., была не «умеренная» демократия, а реставрация Бурбонов! «Золотой средний путь» не удается сохранить ни в одной революции, ее естественный закон требует быстрого решения: либо локомотив на всех парах движется вперед до крайней точки исторического подъема, либо он откатывается в силу собственной тяжести назад, снова в исходную низину, беспощадно увлекая за собой в пропасть тех, кто своими слабыми силами пытается удержать его на полпути.

Этим объясняется то, что в каждой революции лишь та партия способна захватить руководство и власть, которая обладает мужеством выдвинуть радикальный лозунг и сделать из этого все выводы. Этим объясняется жалкая роль русских меньшевиков — Дана, Церетели и др., которые сначала пользовались громадным влиянием в массах, а после длительных шатаний взад и вперед, когда они руками и ногами отталки-

вались от взятия власти и ответственности, были бесславно сметены со сцены.

Партия Ленина была единственной, которая поняла задачу и долг истинно революционной партии, обеспечив продолжение революции выдвижением лозунга: «Вся власть в руки пролетариата и крестьянства!».

Тем самым большевики разрешили тот знаменитый вопрос о «большинстве народа», который с давних пор был для германской социал-демократии каким-то гнетущим кошмаром. Как истинные воспитанники парламентского кретинизма они просто переносят на революцию доморощенную премудрость из парламентской детской: чтобы что-то осуществить, нужно сначала иметь большинство. Значит и в революции: сперва мы завербуем «большинство». Истинная же диалектика революций ставит на голову эту парламентскую премудрость кротов — путь лежит не через большинство к революционной тактике, а через революционную тактику к большинству. Лишь партия, умеющая руководить, т. е. вести вперед, завоевывает приверженцев в ходе штурма. Решительность, с которой Ленин и его товарищи в решающий момент выдвинули единственный способный увлечь вперед лозунг «Вся власть в руки пролетариата и крестьянства!», почти мгновенно превратила их из преследуемого, травимого, «нелегального» меньшинства, вожди которого, подобно Марату, вынуждены были скрываться в подвалах, в абсолютных хозяев положения.

Большевики в качестве цели взятия ими власти тотчас же выдвинули самую полную последовательно революционную программу: не защита буржуазной демократии, а диктатура пролетариата ради осуществления социализма. Их непреходящая историческая заслуга состоит в том, что они впервые провозгласили конечной целью социализм как непосредственную программу практической политики.

Ленин, Троцкий и их товарищи в полной мере проявили мужество, решительность, революционную дальновидность и последовательность, на какие только способна партия в исторический час. Большевики были олицетворением революционной чести и способности к действию, которые утратила социал-демократия Запада. Их Октябрьское восстание было не только фактическим спасением русской революции, но и спасением чести международного социализма.

III

Большевики — исторические наследники английских «уравнителей» и французских якобинцев. Но конкретная задача, которая выпала на их долю в русской революции после взятия власти, была несравненно труднее, чем задачи их исторических предшественников.

〈Значение аграрного вопроса. Уже в 1905 г. Потом в III Думе *правые* крестьяне! Крестьянский вопрос и защита [отечества]. Армия.〉

Конечно, лозунг непосредственного, немедленного захвата и раздела земли крестьянами был кратчайшей, простейшей, самой лапидарной формулой, чтобы достичь двоякой цели: разрушить помещичье землевладение и немедленно привязать крестьян к революционному правительству. В качестве политической меры для укрепления пролетарско-социалистического правительства это была превосходная тактика. Но у нее, к сожалению, были две стороны, и оборотная заключалась в том, что непосредственный захват земли крестьянами не имел ничего общего с социалистическим ведением хозяйства.

Социалистическое преобразование экономических отношений в аграрной области имеет две предпосылки. Прежде всего, национализация именно помещичьего землевладения, как той технически прогрессивной концентрации аграрных средств и методов производства, которая одна только может служить исходным пунктом социалистического хозяйствования в деревне. Естественно, не следует забирать у мелкого крестьянина его

парцеллу, можно спокойно предоставить ему возможность сначала добровольно убедиться в преимуществах общественного производства, затем вступить на путь кооперативного объединения и, наконец, вовлечь его в единое общественное производство. Всякая социалистическая хозяйственная реформа в деревне должна, разумеется, начинаться с крупного и среднего землевладения. Она должна передать право собственности прежде всего народу, что при социалистическом правительстве равнозначно государству, ибо только это обеспечит возможность организовать сельскохозяйственное производство на общих взаимосвязанных социалистических принципах.

Вторая предпосылка такого преобразования — преодолеть отделение сельского хозяйства от индустрии. Эта характерная черта буржуазного общества должна уступить место взаимному проникновению и слиянию обоих, всеобщей организации как аграрного, так и промышленного производства на основе единых принципов. Каким бы ни было в отдельных случаях практическое руководство ведением хозяйства — либо городскими общинами, как предлагают некоторые, либо из государственного центра — во всех случаях предпосылкой является проведение единообразной, направляемой центром реформы, а ее предпосылкой — национализация земли. Национализация крупного и среднего землевладения, объединение индустрии и сельского хозяйства — это две принципиальные позиции любой социалистической экономической реформы, без которой невозможен социализм.

Кто может упрекнуть советское правительство России за то, что оно не осуществило такие огромные реформы! Было бы дурной шуткой требовать или ожидать от Ленина и его товарищей, чтобы они за короткое время своего пребывания у власти в бурном водовороте внутренних и внешних боев, теснимые бесчисленными врагами и сопротивлением со всех сторон смогли разрешить или хотя бы взяться за решение одной из труднейших задач, да, можно смело сказать, *самой* трудной задачи социалистического преобразования! Когда мы на Западе однажды придем к власти, то и здесь при самых благоприятных обстоятельствах мы сломаем себе не один зуб об этот твердый орешек, пока справимся хотя бы с самыми простыми из тысяч сложностей и трудностей этой гигантской задачи!

Однако социалистическое правительство, придя к власти, должно во всяком случае сделать одно: принять меры, направленные на создание основных предпосылок для проведения позднее социалистической реформы аграрных отношений; оно, по меньшей мере, должно избежать всего, что встанет на пути к таким мероприятиям.

Лозунг же, выдвинутый большевиками,— «Немедленный захват и раздел земли крестьянами» — должен действовать в прямо противоположном направлении. Это мера не только не социалистическая, но она отрезает пути к преобразованию аграрных отношений в социалистическом духе, нагромождает перед ним неодолимые препятствия.

Захват земли крестьянами в ответ на краткий, лапидарный лозунг Ленина и его друзей — «Идите и берите землю!» — привел просто к хаотическому внезапному превращению помещичьей собственности на землю в крестьянскую собственность. То, что было создано, это не общественная собственность, а новая частная собственность, точнее — разделение крупных имений на средние и мелкие владения, относительно прогрессивного крупного производства — на примитивные мелкие предприятия, которые работают техническими орудиями времен фараонов. Более того, эта мера и хаотичный, чисто произвольный метод ее проведения не только не устранили, а лишь обострили различия собственности в деревне. Хотя большевики призывали крестьян создавать крестьянские комитеты, чтобы превратить захват дворянских поместий в какое-либо коллективное действие, ясно, что такой общий совет не мог ничего из-

менить в реальной практике и в реальном соотношении сил в деревне. С комитетами или без них богатые крестьяне и кулаки, составлявшие сельскую буржуазию, в руках которой в каждой русской деревне была сосредоточена реальная местная власть, извлекли, разумеется, из аграрной революции наибольшую выгоду. Каждый может сам сосчитать на пальцах, что в результате раздела земли социальное и экономическое неравенство в среде крестьянства не было ликвидировано, а еще более усилилось, что классовые противоречия в деревне обострились. Но этот сдвиг в соотношении сил произошел решительно *в ущерб* пролетарским и социалистическим интересам.

Речь Ленина о необходимости централизации в промышленности, национализации банков, торговли и промышленности. Почему же не земли? Здесь, напротив, децентрализация и частная собственность.

Собственная аграрная программа Ленина была перед революцией иной. Лозунг был заимствован у многократно осмеянных социалистов-революционеров или, вернее, у стихийного крестьянского движения.

Чтобы ввести социалистические принципы в аграрные отношения, советское правительство пытается теперь создать сельские коммуны из пролетариев, главным образом из городских безработных. Но нетрудно угадать наперед, что результаты этих усилий будут ничтожно малы по сравнению со всем объемом аграрных отношений и что их нельзя будет даже вообще брать в расчет при оценке положения. (После того как раздробили крупные поместья — самый благоприятный исходный пункт для социалистического ведения хозяйства — на мелкие производства, теперь пытаются создать из них понемногу образцовые коммунистические предприятия.) В сложившихся условиях эти коммуны могут претендовать лишь на роль эксперимента, а не стать основой широкой социальной реформы.

〈Хлебная монополия с премиями. *Теперь*, пост фактум, они хотят внести классовую борьбу в деревню.〉

Прежде социалистическая реформа в деревне натолкнулась бы, пожалуй, на сопротивление небольшой касты крупных землевладельцев — дворян и капиталистов, а также небольшого меньшинства богатой сельской буржуазии, экспроприация которых революционной народной массой была бы детской игрой. Теперь, после «захвата собственности», врагом любого социалистического обобществления сельского хозяйства выступает чрезвычайно выросшая и усилившаяся масса имущего крестьянства, которое будет зубами и ногтями защищать свою новообретенную собственность от всех социалистических покушений. Теперь вопрос будущей социализации сельского хозяйства, а, следовательно, вообще производства в России, стал вопросом противоречия и борьбы между городским пролетариатом и крестьянскими массами. Сколь острым стало противоречие уже сейчас, показывает бойкот крестьянами городов, которым они не дают продовольствия, чтобы спекулировать им точно так же, как это делают прусские юнкеры. Французский парцелльный крестьянин стал храбрым защитником Великой Французской революции, которая отдала ему конфискованную землю эмигрантов. Как наполеоновский солдат он принес победу знамени Франции, прошел по всей Европе и разгромил феодализм в одной стране за другой. Ленин и его друзья, возможно, ожидали такого же воздействия своего аграрного лозунга. Однако русский крестьянин, захватив в свои руки собственность на землю, и во сне не помышлял защищать Россию и революцию, которой был обязан получением земли. Он вцепился в свою новую собственность и отдал революцию ее врагам, государство на разорение, обрек городское население на голод.

Ленинская аграрная реформа создала в деревне новый мощный слой врагов социализма, сопротивление которых будет гораздо опаснее и упорнее, чем было сопротивление дворян-помещиков.

Большевики несут часть вины за то, что военное поражение России превратилось в крушение и распад страны. Они сами же в большой степени обострили объективные трудности положения своим лозунгом, который они поставили во главу угла своей политики, так называемым правом наций на самоопределение или тем, что в действительности скрывалось за этой фразой,— государственным развалом России. Формула о праве различных национальностей Российской империи самостоятельно определять свои судьбы, «вплоть до государственного отделения от России», вновь и вновь провозглашавшаяся с доктринерским упорством, была особенно боевым лозунгом Ленина и его товарищей, когда они находились в оппозиции к войне Милюкова и Керенского, она была осью их внутренней политики после Октябрьского переворота, она стала основой платформы большевиков в Брест-Литовске, их единственным оружием, которое они могли противопоставить силовой позиции германского империализма.

Поражают прежде всего упорство и жесткая последовательность, с которой Ленин и его товарищи держались за тот лозунг, который резко противоречит и их обычно ярко выраженному централизму политики, и их отношению к прочим демократическим принципам. В то время как они проявили весьма холодное пренебрежение к Учредительному собранию, всеобщему избирательному праву, свободе печати и собраний, короче, ко всему ареалу основных демократических свобод для народных масс, образующих в совокупности «право на самоопределение» для самой России, они обращались с правом наций на самоопределение как с сокровищем демократической политики, перед которым должны умолкнуть все практические возражения реальной критики. В то время как им ни в коей мере не импонировали народные выборы в Российское учредительное собрание — народное голосование на основе самого демократичного в мире избирательного права и при полной свободе в народной республике — и они, руководствуясь очень трезвыми критическими соображениями, просто объявили их результаты недействительными, в Бресте они ратовали за «народное голосование» чужих России наций об их государственной принадлежности как за истинный оплот свободы и демократии, неподдельную квинтэссенцию народной воли, высшую, решающую инстанцию в вопросах политических судеб наций.

Противоречие, которое здесь зияет, тем менее понятно, что при демократических формах политической жизни в каждой стране, как мы это дальше увидим, речь идет действительно о чрезвычайно ценных, неотъемлемых основах социалистической политики, тогда как пресловутое «право наций на самоопределение» не что иное, как пустая мелкобуржуазная фразеология и надувательство.

И действительно, что должно значить это право? Азбука социалистической политики состоит в том, что она борется против всякого рода угнетения, в том числе и одной нации другой.

Если, несмотря ни на что, обычно столь трезвые и критические политики, как Ленин и Троцкий с их друзьями, иронически пожимающие плечами по поводу любого рода утопической фразеологии, будь то разоружение, Лига наций и т. п., на сей раз буквально превращают в своего конька пустую фразу точно такого же рода, то это произошло, как нам кажется, из-за своего рода политики приспособления. Ленин и его товарищи, очевидно, рассчитывали на то, что нет более надежного средства привязать многие нерусские национальности в недрах Российской империи к делу революции, к делу социалистического пролетариата, чем обеспечить им от имени революции и социализма самую широкую, неограниченную свободу распоряжаться своей судьбой. Это аналогично политике большевиков по отношению к русским крестьянам, где лозунг прямого захвата дворянской собственности на землю должен был утолить их зе-

мельный голод и тем самым привязать их к знамени революции и пролетарского правительства.

Увы, в обоих случаях расчет совершенно не оправдался. В то время как Ленин и его товарищи, очевидно, ожидали, что они как защитники национальной свободы «вплоть до государственного отделения» сделают Финляндию, Украину, Польшу, Литву, Балтийские страны, кавказцев и т. д. верными союзниками русской революции, мы наблюдали обратную картину: одна за другой эти «нации» использовали только что дарованную им свободу для того, чтобы в качестве смертельного врага русской революции вступить в союз с германским империализмом и под его защитой понести знамя контрреволюции в саму Россию. Образцовый пример — интермедия с Украиной в Бресте, обусловившая решающий поворот в этих переговорах и во всем внутреннем и внешнеполитическом положении большевиков. Поведение Финляндии, Польши, Литвы, Балтийских стран, наций Кавказа самым убедительным образом показывает, что мы имеем здесь дело не со случайными исключениями, а с типичным явлением.

Конечно, во всех этих случаях такую реакционную политику в действительности проводили не «нации», а лишь буржуазные и мелкобуржуазные классы, которые в острейшем противоречии с собственными пролетарскими массами превращают «право на национальное самоопределение» в инструмент своей контрреволюционной классовой политики. Но — и тут мы подходим к самой сущности вопроса — именно в этом заключается утопический мелкобуржуазный характер этой националистической фразы, что она в суровой действительности классового общества, особенно во время предельно обострившихся противоречий, превращается просто в средство буржуазного классового господства. Большевики получили, нанеся огромный ущерб себе самим и революции, урок, что при господстве капитализма не может быть самоопределения «нации», что в классовом обществе каждый класс нации стремится «самоопределиться» по-своему, что для буржуазных классов интересы национальной свободы отодвигаются полностью на задний план интересами классового господства. Финская буржуазия и украинская мелкая буржуазия были целиком единодушны, предпочитая германский деспотизм национальной свободе, если последняя связана с опасностью «большевизма».

Надежда превратить эти реальные отношения классов в их противоположность посредством «народных голосований», вокруг которых все вращалось в Бресте, вера, что большинство революционных народных масс выскажется за соединение с русской революцией, были, если на это всерьез рассчитывали Ленин и Троцкий, непонятным оптимизмом. Если же это должно было стать лишь тактическим приемом — рапирой в дуэли с германским деспотизмом, то это было опасной игрой с огнем. Даже и без германской военной оккупации пресловутое «народное голосование», если бы до него дошло дело в окраинных странах, при духовном настрое крестьянских масс и широких слоев еще индифферентных пролетариев, при реакционной устремленности мелкой буржуазии и при тысячах средств воздействия буржуазии на голосование, по всей вероятности, повсюду дало бы результат, суливший большевикам мало радости. Ведь можно считать непреложным правилом, что господствующие классы знают, как не допустить подобные народные голосования по национальному вопросу, когда они приходятся им не ко двору, а если голосования все же происходят, то знают, какими средствами и способами можно так повлиять на их результаты, чтобы мы не смогли установить социализм посредством народных голосований.

То, что вопрос о национальных устремлениях и особых тенденциях вообще оказался в центре революционных боев, а Брестским миром был даже выдвинут на первый план и превращен в лозунг социалистической

и революционной политики, вызвало замешательство в рядах социалистов и поколебало позиции пролетариата именно в окраинных странах. В Финляндии социалистический пролетариат, пока он вел борьбу как часть единой российской революционной фаланги, уже добился господствующего положения: он обладал большинством в ландтаге, в армии, он обрек буржуазию на полное бессилие и был хозяином положения в стране. Русская Украина была в начале века, еще до изобретения глупостей «украинского национализма» с «карбованцами» и «универсалами», до конька Ленина о «самостийной Украине», цитаделью российского революционного движения. Оттуда, из Ростова и Одессы, из Донбасса уже в 1902—1904 гг. изливались первые потоки революционной лавы, которые зажгли весь Юг России, превратив его в море огня и подготовив взрыв 1905 г.; это же повторилось и в нынешней революции, для которой южнороссийский пролетариат поставил отборные войска пролетарской фаланги. Польша и Балтийские страны были в 1905 г. самыми мощными и надежными очагами революции, в которых социалистический пролетариат играл господствующую роль.

Как же случилось, что во всех этих странах вдруг торжествует контрреволюция? Именно националистическое движение, оторвав [местный] пролетариат от России, парализовало его и выдало национальной буржуазии окраинных стран. Вместо того чтобы как раз в духе чисто интернациональной классовой политики, которую большевики обычно проводили, стремиться к самому тесному сплочению революционных сил на всех просторах Российской империи, защищать зубами и когтями ее целостность как территории революции, противопоставить — в качестве высшего завета политики — сплоченность и нераздельность пролетариев всех наций в сфере русской революции любым националистическим сепаратистским устремлениям, большевики, напротив, громкой националистической фразеологией о «праве наций на самоопределение вплоть до государственного отделения» дали буржуазии всех окраинных стран самый желательный, самый блестящий предлог, прямо-таки знамя для ее контрреволюционных устремлений. Вместо того чтобы предостеречь пролетариев окраинных стран от любого сепаратизма как чисто буржуазной ловушки и в зародыше подавить сепаратистские стремления железной рукой, использование которой *в этом* случае соответствовало бы истинному смыслу и духу пролетарской диктатуры, они, напротив, вызвали своим лозунгом замешательство в [народных] массах всех окраинных стран и дали простор демагогии буржуазных классов. Таким содействием национализму они [большевики] сами вызвали, подготовили распад России и этим вложили в руку собственных врагов нож, который те намеревались вонзить в сердце русской революции.

Конечно, без помощи германского империализма, без «германских штыков в германских руках», о которых писал Каутский в «Neue Zeit», Люблинский и другие негодяи на Украине, Эрих и Маннергейм в Финляндии, балтийские бароны никогда не справились бы с социалистическими пролетарскими массами своих стран. Но национальный сепаратизм был троянским конем, в котором немецкие «товарищи» со штыками в руках проникли во все эти страны. Реальные классовые противоречия и соотношение военных сил привели к германской интервенции. Но большевики создали *идеологию*, которая маскировала этот поход контрреволюции, усилили позиции буржуазии и ослабили позиции пролетариата. Лучшее доказательство — Украина, которой довелось сыграть столь роковую роль в судьбах русской революции. Украинский национализм в России был совсем иным, чем, скажем, чешский, польский или финский, не более чем просто причудой, кривляньем нескольких десятков мелкобуржуазных интеллигентиков, без каких-либо корней в экономике, политике или духовной сфере страны, без всякой исторической традиции, ибо Украина никогда не была ни нацией, ни государством, без всякой нацио-

нальной культуры, если не считать реакционно-романтических стихотворений Шевченко. Буквально так, как если бы в одно прекрасное утро жители «Ватерканте» вслед за Фрицем Рейтером захотели бы образовать новую нижненемецкую нацию и основать самостоятельное государство! [2]. И такую смехотворную шутку нескольких университетских профессоров и студентов Ленин и его товарищи раздули искусственно в политический фактор своей доктринерской агитацией за «право на самоопределение вплоть» и т. д. Первоначальной шутке они придали значимость, пока эта шутка не превратилась в самую серьезную реальность, впрочем не в серьезное национальное движение, которое, как и прежде, не имеет корней, но в вывеску и знамя для собирания сил контрреволюции! Из этого пустого яйца в Бресте вылезли германские штыки.

Фразы иногда имеют весьма реальное значение в истории классовой борьбы. Такова уж роковая судьба, что социализму в нынешней мировой войне было предначертано дать идеологические предлоги для контрреволюционной политики. Германская социал-демократия поспешила в момент возникновения войны прикрыть идеологическим щитом из отбросов марксизма разбойничий поход германского империализма, провозгласив его освободительным походом против русского царизма, о котором в 1848 г. мечтали наши учители. На долю антиподов правительственных социалистов — большевиков выпало лить воду на мельницу контрреволюции фразами о «самоопределении» и тем создать идеологию не только для удушения самой русской революции, но и для ликвидации всей мировой войны, по плану, созданному контрреволюцией. У нас имеются все основания, чтобы под этим углом зрения очень основательно рассмотреть политику большевиков. «Право на самоопределение наций» в соединении с [идеей] Лиги наций и с разоружением по милости Вильсона — вот боевой клич, под знаком которого произойдет предстоящее столкновение международного социализма с буржуазным миром. Очевидно, что фраза о самоопределении и все национальное движение, которое представляет ныне величайшую опасность для международного социализма, обрели чрезвычайную силу именно в результате русской революции и брестских переговоров. Нам придется еще подробно заняться этой платформой. Трагическая судьба для русской революции этой фразеологии, в которой запутались и были до крови изранены шипами русские большевики, должна послужить предостерегающим примером международному пролетариату.

За всем этим последовал диктат Германии. От Брестского мира до «Дополнительного договора»! [3] 200 жертв заложников в Москве [4]. Результатом этой ситуации стали террор и подавление демократии.

IV

Мы хотим рассмотреть это подробнее на нескольких примерах.

Выдающуюся роль в политике большевиков сыграл известный роспуск Учредительного собрания в январе 1918 года [5]. Эта мера стала определяющей для их дальнейшей позиции, в известном смысле поворотным пунктом в их тактике. Это факт, что Ленин и его товарищи до своей Октябрьской победы энергично требовали созыва Учредительного собрания, что именно политика оттяжек в этом вопросе правительства Керенского была одним из пунктов обвинения большевиками этого правительства и служила им поводом для самых резких нападок. И Троцкий в своей интересной брошюре «От Октябрьской революции до Брестского мира» также говорит, что большевики Октябрьский переворот «представляли спасением для Учредительного собрания, как и вообще спасением революции». «И когда мы говорили,— продолжает он,— что дверь к Учредительному собранию ведет не чрез предпарламент Церетели, а чрез захват власти Советами, мы были вполне искренни» .

И вот после таких объявлений первый шаг Ленина после Октябрьской революции — разгон того самого Учредительного собрания, вход в которое она должна была открыть. Какие причины могли стать решающими для столь поразительного поворота? Троцкий подробно рассказывает об этом в упомянутой брошюре, и мы хотим изложить здесь его аргументы [...] [7]

Все это прекрасно и очень убедительно. Но можно только поражаться, что такие умные люди, как Ленин и Троцкий, не пришли к следующему выводу, который вытекал из описанных выше фактов. Поскольку Учредительное собрание было избрано задолго до решающего поворотного момента, до Октябрьского переворота, и его состав отражал картину прошлого состояния, а не нового положения вещей, то сам собой напрашивался вывод: распустив это устаревшее, т. е. мертворожденное Учредительное собрание, немедленно объявить выборы нового Учредительного собрания! Они не хотели и не могли доверить судьбы революции собранию, отражавшему вчерашнюю Россию Керенского, период колебаний и коалиции с буржуазией. Ну что же, оставалось только немедленно созвать вместо него Собрание, вышедшее из обновленной, продвинувшейся вперед России.

Вместо этого Троцкий из специфической неспособности собравшегося в январе [8] Учредительного собрания делает вывод о ненужности никакого Учредительного собрания, даже заключает, что во время революции вообще непригодно любое народное представительство, выходящее из всеобщих народных выборов.

«Благодаря открытой непосредственной борьбе за власть трудящиеся массы в короткий период накопляют много политического опыта и быстро переходят в своем развитии с одной ступени на другую. Тяжеловесный механизм демократических учреждений тем меньше поспевает за этой эволюцией, чем огромнее страна и чем менее совершенен ее технический аппарат» [9].

Здесь речь идет уже вообще о «механизме демократических учреждений». В противовес этому следует прежде всего подчеркнуть, что в этой оценке представительных учреждений выражается несколько схематичная, жесткая точка зрения, которой совершенно определенно противоречит исторический опыт всех революционных эпох. По теории Троцкого, каждое избранное собрание отражает раз навсегда духовное состояние, политическую зрелость и настроение его избирателей только точно в тот момент, когда они подошли к урне для голосования. Демократическое учреждение поэтому всегда отражает [настроения] масс в день выборов, подобно тому как в атласе звездного неба Гершеля показаны нам небесные тела не такими, каковы они в то время, когда мы их наблюдаем, а какими они были в тот момент, когда из необозримой дали посылали на Землю свои световые сигналы. Троцкий отрицает здесь какую бы то ни было живую духовную связь между однажды избранным [собранием] и избирателями, всякое длительное взаимодействие между ними.

Как резко противоречит этому весь исторический опыт! Он показывает нам, напротив, что живые флюиды настроения народа постоянно омывают представительные учреждения, проникают в них, управляют ими. Иначе как было бы возможно — когда на фабриках, в мастерских и на улицах происходят волнения — видеть временами в любом буржуазном парламенте самые восхитительные пируэты «народных представителей», внезапно оживленных «новым духом» и издающих совершенно неожиданные звуки, [видеть, что] самые высохшие мумии иногда ведут себя по-юношески, а различные шейдемановцы вдруг извлекают из своей груди революционные тона?

И это постоянное живое воздействие настроения и политической зрелости масс на избранные учреждения должно во время революции капи-

тулировать перед сухой схемой партийных вывесок и избирательных списков? Совсем наоборот! Именно революция создает своим пылающим жаром ту тонкую, вибрирующую, восприимчивую политическую атмосферу, в которой волны народного настроения, удары пульса народной жизни немедленно самым чудесным образом воздействуют на представительные учреждения. Именно на этом всегда основаны известные эффектные сцены начальной стадии всех революций, когда старые реакционные или весьма умеренные парламенты, избранные при старом режиме на основе ограниченного избирательного права, вдруг становятся героическими глашатаями переворота, выразителями штурма и натиска. Классический пример тому — известный Долгий парламент в Англии, избранный и собравшийся в 1642 г., который семь лет оставался на посту и внутри которого отразились все перемены народного настроения, политической зрелости, классового раскола, продвижения революции до ее вершины, от первоначальных мелочных препирательств с короной до упразднения палаты лордов, казни Карла и провозглашения республики.

И разве не такое же чудесное превращение произошло в Генеральных штатах Франции, в цензовом парламенте Луи-Филиппа, да и в IV Государственной думе — этот последний самый поразительный пример так близок Троцкому. Избранная в благословенном 1912 г.[10], при жесточайшем господстве контрреволюции, она внезапно ощутила в феврале 1917 г. Иоаннову страсть к перевороту и стала исходной точкой революции.

Все это показывает, что «тяжеловесный механизм демократических учреждений...» имеет мощный корректив — именно в живом движении масс, в их непрекращающемся давлении. И чем демократичнее учреждение, чем живее и сильнее удары пульса политической жизни масс, тем непосредственнее и точнее воздействие — несмотря на жесткие партийные вывески, устаревшие избирательные списки и т. п. Разумеется, каждое демократическое учреждение имеет свои рамки и недостатки, как, впрочем, и все другие человеческие институты. Но только найденное Троцким и Лениным целебное средство — устранение демократии вообще — еще хуже, чем тот недуг, который оно призвано излечить: оно ведь засыпает тот живой источник, черпая из которого только и можно исправить все врожденные пороки общественных учреждений,— активную, беспрепятственную, энергичную политическую жизнь широчайших народных масс.

Возьмем другой поразительный пример: выработанное советским правительством избирательное право. Не вполне ясно, какое этому избирательному праву придается практическое значение. Из критики Троцким и Лениным демократических учреждений следует, что они принципиально отвергают народные представительства на основе всеобщих выборов, и хотят опираться только на Советы. Неясно, зачем тогда вообще вырабатывается всеобщее избирательное право. Нам также неизвестно, чтобы это избирательное право было каким-то образом введено в действие; ничего не было слышно и о выборах на его основе в какое-либо народное представительство. Вероятнее всего предположение, что оно осталось лишь продуктом кабинетной теории, но в таком виде — это весьма поразительный продукт большевистской теории диктатуры.

Всякое избирательное право, как и вообще всякое политическое право, следует оценивать не по каким-либо абстрактным схемам «справедливости» и подобной буржуазно-демократической фразеологии, а по социальным и экономическим отношениям, для которых оно и скроено. Выработанное советским правительством избирательное право рассчитано именно на переходный период от буржуазно-капиталистической к социалистической форме общества, на период пролетарской диктатуры. В духе того толкования, какое Ленин — Троцкий дают этой диктатуре, избира-

тельное право предоставляется только тем, кто живет собственным трудом, а все остальные его лишены.

Ясно, однако, что такое избирательное право имеет смысл лишь в обществе, которое и экономически способно дать всем, кто хочет трудиться, возможность обеспечить себе собственным трудом зажиточную, культурную жизнь. Возможно ли это в нынешней России? В обстановке огромных трудностей, с какими вынуждена бороться Советская Россия, изолированная от мирового рынка и отрезанная от своих важнейших сырьевых источников, в обстановке всеобщего ужасного хозяйственного разорения, резкого изменения производственных отношений в результате преобразования отношений собственности в сельском хозяйстве, в промышленности и торговле, совершенно очевидно, что огромное число людей оказалось неожиданно оторванным от своих корней, выбито из колеи без малейшей объективной возможности найти в экономическом механизме какое-либо приложение своей рабочей силе. Это затрагивает не только классы капиталистов и помещиков, но и широкие слои мелкого и среднего сословия и сам рабочий класс. Ведь факт, что сокращение промышленного производства привело к массовому оттоку городского пролетариата в деревню в поисках пристанища в сельском хозяйстве. При таких обстоятельствах политическое избирательное право, имеющее экономической предпосылкой всеобщую трудовую повинность, мероприятие совершенно непонятное. По своей тенденции оно должно сделать политически бесправными только эксплуататоров. Но когда в массовом порядке лишены своих корней рабочие-производители, советское правительство вынуждено, напротив, во многих случаях оставлять государственную промышленность бывшим капиталистическим собственникам, так сказать, в аренду. Советское правительство вынуждено было также в апреле 1918 г. заключить компромисс и с буржуазными потребительскими кооперативами. Затем оказалось необходимым использование буржуазных специалистов. Другое следствие того же явления выражается в том, что государство содержит на общественный счет растущее число пролетариев — красногвардейцев и т. п. [Поэтому избирательное право] делает в действительности бесправными широкие и растущие слои мелкой буржуазии и пролетариат, в отношении которых экономический строй не предусматривает никаких средств для осуществления трудовой повинности.

Это — нелепость, делающая избирательное право оторванным от социальной действительности, утопическим продуктом фантазии. И именно потому оно не может быть серьезным инструментом пролетарской диктатуры.

‹Анахронизм, опережение правового положения, уместного при уже сложившемся социалистическом экономическом базисе, но не в переходный период пролетарской диктатуры.›

Когда все среднее сословие, буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция после Октябрьской революции месяцами бойкотировали советское правительство, парализовали железнодорожную, почтовую и телеграфную связь, школьное обучение, управленческий аппарат, оказывая таким образом сопротивление рабочему правительству, тогда были само собою разумеющимися все меры давления на них: лишение политических прав, экономических средств существования и т. д., чтобы сломить сопротивление железным кулаком. В этом и проявилась социалистическая диктатура, которая не должна страшиться никакого применения силы, чтобы содействовать или препятствовать проведению в интересах общего дела тех или иных мер. Напротив, избирательное право, вообще лишающее прав широкие слои общества, ставит их политически вне рамок того общества, которое экономически не в состоянии обеспечить им [рабочее] место. Лишение прав не как конкретная мера ради конкретной цели, а как общее правило длительного действия, это вовсе не необходимое про-

явление диктатуры [пролетариата], а нежизнеспособная импровизация.

‹Как Советы в качестве станового хребта, так и Учредительное собрание и *всеобщее избирательное право.*›

‹Большевики назвали Советы реакционными, потому что большинство в них составляли крестьяне (крестьянские депутаты и солдатские депутаты). После того как Советы перешли на их сторону, они стали истинными представителями народной воли. Но такой внезапный поворот был связан только с вопросом о *мире* и о земле.›

Учредительным собранием и избирательным правом вопрос, однако, не исчерпывается. Должно быть принято во внимание также упразднение важнейших демократических гарантий здоровой общественной жизни и политической активности трудящихся масс: свободы печати, права союзов и собраний, которые стали незаконными для всех противников советского правительства. Для такого вмешательства ни в коей мере не достаточно вышеприведенной аргументации Троцкого о неповоротливости демократических выборных учреждений. Напротив, совершенно очевиден, неоспорим тот факт, что без свободной, неограниченной прессы, без беспрепятственной жизни союзов и собраний совершенно немыслимо именно господство широких народных масс.

Ленин говорит: буржуазное государство — это инструмент подавления рабочего класса, социалистическое — подавления буржуазии. Оно в известном смысле лишь поставленное на голову капиталистическое государство. Это упрощенное представление не учитывает самого существенного: буржуазное классовое господство не нуждается в политическом обучении и воспитании всей массы народа, во всяком случае, не выходит за некоторые узко ограниченные рамки. Для пролетарской диктатуры оно — жизненное условие, воздух, без которого она не может существовать.

«Благодаря открытой непосредственной борьбе за власть...» Этими словами Троцкий очень метко опровергает самого себя и своих друзей по партии. Именно потому, что это верно, они, подавляя общественную жизнь, перекрыли источник политического опыта и дальнейшего развития. Или же надо признать, что опыт и развитие нужны были лишь до взятия власти большевиками, а, достигнув максимума стали излишними (Речь Ленина: Россия убеждена в социализме!!! [11]).

В действительности дело обстоит наоборот! Именно гигантские задачи, к которым большевики подошли с мужеством и решимостью, потребовали самого интенсивного политического обучения масс и накопления опыта.

‹Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии — сколь бы многочисленными они ни были — это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. Не из-за фанатизма «справедливости», а потому, что от этой сути зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если «свобода» становится привилегией.›

Молчаливая предпосылка теории диктатуры в духе Ленина — Троцкого состоит в том, что социалистический переворот — это дело, для которого в кармане революционной партии имеется готовый рецепт, нуждающийся только в энергичном осуществлении. К сожалению,— а возможно, к счастью,— дело обстоит не так. Практическое осуществление социализма как экономической, социальной и правовой системы — далеко не сумма готовых предписаний, которые остается лишь применить, оно целиком пребывает в тумане будущего.

‹Большевики сами, положа руку на сердце, не станут отрицать, что они на каждом шагу вынуждены были действовать ощупью, искать, экспериментировать, пробовать так и этак, и что большая часть их мероприятий вовсе не жемчужины. Так должно быть и так будет со всеми

нами, когда мы возьмемся за это дело, хотя и не везде будут господствовать столь тяжелые условия.〉

То, что мы имеем в нашей программе,— лишь немногие важные ориентиры, указывающие направление пути, на котором придется искать меры, притом преимущественно негативного характера. Мы примерно знаем, что́ нам необходимо прежде всего устранить, чтобы открыть путь для социалистической экономики. Но ни одна социалистическая партийная программа, ни один социалистический учебник не могут разъяснить, какого рода должны быть те тысячи конкретных, практических больших и малых мер, которые должны приниматься на каждом шагу, чтобы осуществить [на деле] социалистические принципы в экономике, праве, во всех общественных отношениях. Это не беда, а скорее преимущество научного социализма перед утопическим: социалистическая общественная система должна и может быть только историческим продуктом, рожденным из собственной школы опыта в час исполнения, из становления живой истории, которая точно так же, как органическая природа, частью которой она в конечном счете является, обладает прекрасным свойством всегда создавать одновременно с реальной общественной потребностью также и средства для ее удовлетворения, одновременно с задачей — также и ее решение. Но если это так, то ясно, что социализм по самой его *природе* невозможно октроировать, ввести указами. Он имеет предпосылкой ряд насильственных мер — против собственности и т. п. Негативное, разрушение можно декретировать, но строительство, позитивное — *нельзя*. Целина. Тысячи проблем. Только опыт в состоянии вносить коррективы и открывать новые пути. Только неограниченная бурлящая жизнь порождает тысячи новых форм, импровизаций, обретает *творческую силу*, сама исправляет все ложные шаги. Общественная жизнь государств с ограниченной свободой именно потому так скудна, так жалка, так схематична, так бесплодна, что выключением демократии она закрывает для себя жизненные источники всякого духовного богатства и прогресса (доказательства: 1905 год и [месяцы] от февраля до октября 1917 года). Как тогда политические, так [теперь] экономические и социальные [источники]. Вся масса народа должна участвовать. Иначе социализм будет декретирован, октроирован дюжиной кабинетных интеллигентов.

Общественный контроль совершенно необходим. Иначе обмен опытом останется только в замкнутом кругу чиновников нового правительства. Неизбежна коррупция. (Слова Ленина, «Mitteilungs-Blatt», № 36 [12]).

〈Речь Ленина о дисциплине и коррупции.

Анархия будет и у нас повсюду неизбежной. Люмпен-пролетарские элементы присущи буржуазному обществу и неотделимы от него.

Доказательства:

1. Восточная Пруссия, грабежи «казаков».

2. Всеобщий взрыв разбоя и воровства в Германии («спекуляции», почтовый и железнодорожный персонал, полиция, полное стирание границ между хорошо упорядоченным обществом и каторжной тюрьмой).

3. Быстрое разложение профсоюзных лидеров. Против этого бессильны драконовские террористические меры. Наоборот, они коррумпируют еще больше. Единственное противоядие: идеализм и социальная *активность* масс, неограниченная *политическая* свобода.〉

〈Самостоятельную проблему большой важности составляет в каждой революции борьба с люмпен-пролетариатом. И нам, в Германии, как и повсюду, придется иметь с этим дело. Люмпен-пролетарские элементы глубоко присущи буржуазному обществу не только как отдельный слой, как социальные отбросы, которые в огромной мере возрастают, особенно в те времена, когда рушатся стены общественного строя, а как интегрирующий элемент всего общества. События в Германии — и в большей или в меньшей степени во всех других государствах — показали, как

легко поддаются разложению все слои буржуазного общества: коммерческая спекуляция на ценах, спекуляции шляхтичей, случайные фиктивные сделки, фальсификация продовольствия, надувательства, растраты чиновников, воровство, взломы и грабежи так слились друг с другом, что стерлась грань между честными бюргерами и преступниками. Здесь повторяется такое явление, как регулярное и быстрое разложение буржуазных добродетелей, когда их пересаживают на чуждую социальную почву, в условия заморских колоний. Отбросив привычные рамки и устои морали и права, буржуазное общество, сокровенным жизненным законом которого является глубочайшая аморальность — эксплуатация человека человеком, впадает непосредственно и безудержно в примитивное разложение. Пролетарской революции придется повсюду вести борьбу с этим своим врагом и орудием контрреволюции.

Но все же и в этом случае террор — тупой [или] обоюдоострый меч. Самая драконовская [военно-]полевая юстиция бессильна перед взрывом люмпен-пролетарских бесчинств. Да, всякое длительное правление с помощью осадного положения неизбежно ведет к произволу, а всякий произвол действует на общество развращающе. Единственное реальное средство в руках пролетарской революции и здесь: радикальные меры социального и политического характера, быстрейшее улучшение социальных гарантий жизни масс, а также распространение революционного идеализма, сохранить который на длительное время можно только при неограниченной политической свободе с помощью интенсивной, активной жизни масс.

Как против инфекций и болезнетворных микробов самым действенным, очищающим и исцеляющим средством служит свободное воздействие солнечных лучей, так и сама революция и ее принцип обновления, вызванный ею [подъем] духовной жизни, активности и моральной ответственности самих масс, сиречь широчайшая политическая свобода как ее форма,— единственное исцеляющее и очищающее солнце.›

Практика социализма требует подлинного духовного переворота в массах, веками деградировавших под буржуазным классовым господством. Социальные инстинкты вместо эгоистических; массовая инициатива вместо косности; идеализм, позволяющий преодолеть все страдания, и т. д. и т. д. Никто не знает этого лучше, не говорит об этом убедительнее, не повторяет это упорнее, чем Ленин. Но он целиком ошибается в выборе средств. Декрет, диктаторская власть фабричных надсмотрщиков, драконовские наказания, террор — все это паллиативы. Единственный путь к возрождению: школа самой общественной жизни, неограниченная широчайшая демократия, общественное *мнение*. Именно господство террора деморализует.

Если все это отбросить, то что останется в действительности? Ленин и Троцкий поставили на место представительных учреждений, вышедших из всеобщих народных выборов, Советы как единственное истинное представительство трудящихся масс. Но с подавлением политической жизни во всей стране неизбежно будет все более затухать и жизнь в Советах. Без всеобщих выборов, неограниченной свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений замирает жизнь в любом общественном учреждении, она превращается в видимость жизни, деятельным элементом которой остается одна только бюрократия. Общественная жизнь постепенно угасает, дирижируют и правят с неуемной энергией и безграничным идеализмом несколько дюжин партийных вождей, среди них реально руководит дюжина выдающихся умов, а элита рабочего класса время от времени созывается на собрания, чтобы рукоплескать речам вождей, единогласно одобрять предложенные резолюции. Итак, по сути — это хозяйничанье клики; правда, это диктатура, но не диктатура пролетариата, а диктатура горстки политиков, т. е. диктатура в чисто буржуазном смысле, в смысле господства якобинцев (перенос сроков созыва съездов

Советов: с раз в три месяца до раз в шесть месяцев). Более того: такие условия должны привести к одичанию общественной жизни — покушениям, расстрелам заложников и т. д. Это могущественный объективный закон, действия которого не может избежать никакая партия.

Основная ошибка теории Ленина — Троцкого состоит именно в том, что они, как и Каутский, противопоставляют диктатуру демократии. «Диктатура *или* демократия»,— такова постановка вопроса как большевиками, так и Каутским. Последний решает для себя вопрос, естественно, в пользу демократии, а именно *буржуазной* демократии, ибо именно ее он противопоставляет как альтернативу социалистическому перевороту. Ленин — Троцкий, напротив, решают в пользу диктатуры в противовес демократии, и тем самым диктатуры горстки людей, т. е. *буржуазной* диктатуры. Таковы два противоположных полюса, оба равноудаленные от истинной социалистической политики. Пролетариат, берущий в свои руки власть, никак не может, действуя по доброму совету Каутского, под предлогом «незрелости страны» отказаться от социалистического переворота и посвятить себя только демократии, не совершив предательства по отношению к себе самому, Интернационалу, революции. Он обязан и должен как раз немедленно, самым энергичным, самым решительным, самым беспощадным образом начать социалистические преобразования, следовательно, осуществлять диктатуру, но диктатуру *класса*, а не партии или клики, [осуществлять] диктатуру класса, т. е. [действовать] при самой широкой гласности, при самом деятельном беспрепятственном участии народных масс, при неограниченной демократии.

«Как марксисты, мы никогда не были идолопоклонниками формальной демократии» [13],— пишет Троцкий. Конечно, мы никогда не были идолопоклонниками формальной демократии. Мы никогда не были и идолопоклонниками социализма или марксизма. Но разве отсюда следует, что мы можем выбросить на свалку и социализм, марксизм а ля Кунов — Ленш — Парвус [14], когда он становится для нас неудобным? Троцкий и Ленин — живое отрицание такого подхода. Мы никогда не были идолопоклонниками формальной демократии — это значит только одно: мы всегда отличали социальное ядро от политической формы *буржуазной* демократии, мы всегда вышелушивали горькое ядро социального неравенства и несвободы из сладкой оболочки формального равенства и свободы — не для того, чтобы ее выбросить, а для того, чтобы подзадорить рабочий класс: он не должен ограничиться оболочкой, а напротив, [должен] завоевать политическую власть, дабы наполнить ее новым социальным содержанием.

Историческая задача пролетариата, когда он приходит к власти,— создать вместо буржуазной демократии социалистическую демократию, а не упразднить всякую демократию. Однако социалистическая демократия не начинается лишь на обетованной земле, когда создан базис социалистической экономики, не является готовым рождественским подарком храброму народу, который тем временем верно поддерживал горстку социалистических диктаторов. Социалистическая демократия начинается одновременно с уничтожением классового господства и строительством социализма. Она начинается с момента завоевания власти социалистической партией. Она есть не что иное, как диктатура пролетариата.

Так точно: диктатура! Но эта диктатура заключается в способе *применения* демократии, а не в ее управлении, в энергичных, решительных вторжениях в благоприобретенные права и экономические отношения буржуазного общества, без чего невозможно осуществить социалистический переворот. Но эта диктатура должна быть делом *класса*, а не небольшого руководящего меньшинства от имени класса, т. е. она должна на каждом шагу исходить из активного участия масс, находиться под их непосредственным влиянием, подчиняться контролю всей общественности, опираться на растущую политическую сознательность народных масс.

Конечно, большевики именно так бы и действовали, если бы не страдали от навязанных им ужасов мировой войны, германской оккупации и всех связанных с этим чрезвычайных трудностей, которые не могли не исказить любую социалистическую политику, преисполненную самых лучших намерений и самых прекрасных принципов.

Яркий пример этого — столь широкое применение советским правительством террора со времени покушения на германского посла в преддверии крушения германского империализма. Азбучная истина, что революции крестят не розовой водицей, сама по себе довольно убога.

Можно понять все, что происходит в России и образует неизбежную цепь причин и следствий. Ее звенья, исходное и конечное, таковы: несостоятельность германского пролетариата и оккупация России германским империализмом. Нельзя требовать от Ленина и его товарищей сверхчеловеческого, ожидать еще и того, чтобы они при таких обстоятельствах оказались бы способны сотворить чудо, создав самую прекрасную демократию, самую образцовую диктатуру пролетариата и процветающую социалистическую экономику. Своим решительным революционным поведением, своей образцовой энергией и своей нерушимой верностью интернациональному социализму они, право же, сделали достаточно из того, что было возможно сделать в столь дьявольски трудных условиях.

Опасность начинается тогда, когда они нужду выдают за добродетель, хотят теперь по всем пунктам теоретически зафиксировать навязанную им этими фатальными условиями тактику и рекомендовать ее международному [пролетариату] как образец социалистической тактики, достойной подражания. Тем самым они не только совершенно неоправданно зарывают свои действительные, неоспоримые исторические заслуги в груде вынужденных ошибочных шагов, но и оказывают плохую услугу международному социализму, во имя которого сражались и страдали, стремясь внести в его арсенал в качестве новых открытий все перекосы, обусловленные в России чрезвычайными обстоятельствами, в конечном же счете явившиеся следствием банкротства интернационального социализма в этой мировой войне.

Пусть германские правительственные социалисты вопят, что господство большевиков в России — это искаженная картина диктатуры пролетариата. Если она была или является таковой, то только потому, что она — результат поведения германского пролетариата, которое было искаженной картиной социалистической классовой борьбы.

Все мы подвластны закону истории, а социалистическая политика может осуществляться лишь в международном масштабе. Большевики показали, что они могут все, что только в состоянии сделать истинно революционная партия в границах исторических возможностей. Они не должны стремиться творить чудеса. Ибо образцовая и безошибочная пролетарская революция в изолированной стране, истощенной мировой войной, удушаемой империализмом, преданной международным пролетариатом, была бы чудом.

Дело заключается в том, что надо отличать в политике большевиков существенное от несущественного, коренное от случайного. В этот последний период, когда мы находимся накануне решающих последних боев во всем мире, важнейшая проблема социализма, самый жгучий вопрос времени — не та или иная деталь тактики, а способность пролетариата к действию, революционная активность масс, вообще воля к установлению власти социализма. В этом отношении Ленин и Троцкий со своими друзьями были *первыми*, кто пошел впереди мирового пролетариата, показав ему пример; они до сих пор все еще *единственные*, кто мог бы воскликнуть вместе с Гуттеном: «Я отважился!» [15].

Вот что самое существенное и *непреходящее* в политике большевиков. В *этом* смысле им принадлежит бессмертная историческая заслуга: завоеванием политической власти и практической постановкой проблемы осу-

ществления социализма они пошли впереди международного пролетариата и мощно продвинули вперед борьбу между капиталом и трудом во всем мире. В России проблема могла быть только поставлена. Она не могла быть решена в России, она может быть решена только интернационально. И *в этом смысле* будущее повсюду принадлежит «большевизму».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Газета «Vorwärts» – центральный орган Германской социал-демократической партии. Ф. Штампфер был ее главным редактором.

[2] «Waterkant», или «Wasserkante» – название побережья Северного моря в районе Гамбурга – Бремена, где население отчасти пользовалось нижнегерманским диалектом. Ф. Рейтер – популярный писатель XIX в., писавший на этом диалекте.

[3] «Дополнительный договор» к Брестскому миру был подписан 27 августа 1918 года. Советская Россия была вынуждена принять обязательство заплатить Германии 6 млрд. марок контрибуции, отказаться от прав на Эстляндию, Лифляндию и Грузию.

[4] Речь идет о «красном терроре», провозглашенном в ответ на покушение на Ленина, убийство Володарского и Урицкого.

[5] В рукописи ошибочно «в ноябре 1917 г.».

[6] Цит. по: Троцкий Л. От Октябрьской революции до Брестского мира. Харьков. 1920, с. 109–110.

[7] Аргументы в рукописи не приведены.

[8] В рукописи «в октябре».

[9] Троцкий Л. Ук. соч., с. 113.

[10] В рукописи «1909».

[11] В брошюре «Очередные задачи Советской власти» Ленин писал: «Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* – у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*... И это – самая благодарная задача, ибо лишь *после* ее решения (в главных и основных чертах) можно будет сказать, что Россия *стала* не только советской, но и социалистической республикой» (Полн. собр. соч. Т. 36, с. 172–173).

[12] Имеется в виду изложение работы В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» (см. сн. 25).

[13] Троцкий Л. Ук. соч., с. 113.

[14] Г. Кунов, П. Ленш, Парвус (А. Л. Гельфанд) во время войны были правыми социал-демократами, стоявшими на позициях шовинизма.

[15] Ульрих фон Гуттен – германский гуманист и просветитель эпохи Реформации начала XVI века. Слова из драмы К. Мейера «Ульрих фон Гуттен».